
КРАТКИЕ
СООБЩЕНИЯ

О КЛАССИФИКАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

© 2004 г. М. И. Яновский

Старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Национального университета, Донецк, Украина

В статье рассматривается проблема классификации теорий психологии XX века. Предлагается три ее варианта. Первый основывается на отношении теории к интроспекции. Второй – на выборе типа объяснения психологических феноменов. Третий – на имплицитной “опорной” картине мира, характерной для теории.

Ключевые слова: классификация, психологические теории, интроспекция, ретроспекция, гештальт-психология, фрейдизм, бихевиоризм, картина мира.

Психология, будучи одной из основных гуманитарных наук, в отчетливой форме демонстрирует трудность сведения представлений о человеке к единой теории. И это, по мнению некоторых ученых, является не столько недостатком, сколько преимуществом психологии перед другими науками, ориентиром для них. При всей спорности данного утверждения, нельзя не согласиться однако с тем, что “плюрализм” теорий в психологии действительно предполагает различные типы научных подходов к человеку. Отсюда возникает проблема упорядочивания множества психологических теорий, т.е. создания логически обоснованных их классификаций.

Первая предлагаемая нами классификация отражает тот факт, что многие классические теории психологии XX века возникли на основе самоопределения ученых относительно идеи наблюдаемости внутреннего мира человека (в том числе как реакции на вундтовскую интроспективную психологию). Вообще, проблема наблюдаемости исходных феноменов является фундаментальной для любой науки, потому что наука начинается с факта, устанавливаемого опытно, через ту или иную форму наблюдения. Так же, на наш взгляд, и психология перешла в XIX веке в ранг науки благодаря осознанию сообществом ученых невозможности заменить психологию как отрасль исследований, *прямо и непосредственно* направленную на изучение психики, какими-либо иными науками, изучающими психику лишь косвенно, через те феномены, с которыми она так или иначе связана (мозг, практическая деятельность и т.п.). Психология в XIX веке допустила “признание непосредственной реальности психологического опыта” [3, с. 14], что и изменило ее статус: из отрасли философии она превратилась в эмпирическую науку. Поэтому выросшая на почве такого признания интроспекция является своеобразной осью, или отправной точкой научной

психологии, относительно которой определяет свою позицию любая психологическая теория, претендующая на фундаментальность.

Наиболее точно реализовала дух вундтовской интроспекции, на наш взгляд, гештальт-психология с ее “феноменологическим наблюдением” [2, с. 31]. Лишь по недоразумению гештальт-психологи приняли вундтовское требование необходимости тренировки человека, реализующего самонаблюдение, за признак оторванности от непосредственной субъективной данности того или иного психического феномена. В действительности направленность интроспекции у В. Вундта на фиксацию “непосредственного опыта” родственна гештальтистскому требованию необходимости реализации в самонаблюдении позиции “наивного наблюдателя”.

Однако полноценная фиксация “непосредственного опыта” весьма затруднительна по ряду причин, которые очень точно в свое время были описаны французским философом и психологом А. Бергсоном. К вундтовскому “непосредственному опыту” приложимы его следующие слова: “Вы произвольно определяете настоящее, как то, что есть, тогда как настоящее есть просто то, что совершается” [1, с. 563]. В связи с этим в самонаблюдении, по мысли А. Бергсона, проблема состоит в том, чтобы наше сознание “отделалось от вполне готового и примкнуло к совершающемуся; нужно чтобы способность видения, обратившись к самой себе, составляла единый акт с волей. Нечего и говорить, что это тяжелое усилие мы можем совершить, только насилуя свою природу, и оно вряд ли способно продержаться больше нескольких мгновений” [там же, с. 262]. Возможно поэтому “Вундт указывал, что ни один испытуемый, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций, не подходит как источник сведений для публикации из его лаборатории” [2, с. 25].

Невозможность долго удержаться в “совершающемся” приводит, по Бергсону, к смещению сознания от интроспекции к “ретроспективному взгляду” [1, с. 262]. Классическим вариантом использования ретроспекции является, на наш взгляд, психоанализ З. Фрейда.

Так, мысленный возврат человека к ситуациям, вызвавшим какую-либо психоэмоциональную травму, – это, по сути, ретроспекция. Метод свободных ассоциаций, один из главных исследовательских методов в психоанализе, также построен на ретроспекции, поскольку ассоциация как таковая – это “переброска” сознания из “сейчас” в какой-либо пункт прошлого опыта. В психоанализе любое настоящее в конце концов заменяется элементами прошлого и, следовательно, в целом в психоанализе предметом исследования является уже не “непосредственный”, а прошлый опыт.

Однако ретроспективность психоанализа – лишь “лицевая” его особенность. Проблема в том, что прошлый опыт, “стягивая” на себя всю возможную существенную детерминированность субъекта, как бы дистанцирует его самого от этой детерминированности. Парадоксальным образом сам субъект в ситуации “сейчас” оказывается индетерминированным, зависящим лишь от самого себя. Эта обратная сторона ретроспекции проявляется в психотехническом подходе к личности [5, с. 30].

Бихевиоризм принято оценивать как крайне антиинтроспекционистскую психологическую теорию. В этом смысле он также возник на почве определения своей позиции относительно интроспекции. Однако на наш взгляд, чистота его антиинтроспекционизма несколько преувеличена. Действительно, основатель бихевиоризма Дж.Б. Уотсон едва ли не отличительным признаком данной теории провозгласил отказ от использования данных интроспекции в любых формах. Но он использовал при этом близкий к гештальт-истскому мотив: данные интроспекции “не представляют научной ценности, поскольку они зависят от *подготовленности* исследователей в *интерпретации* этих данных в терминах сознания” (курсив мой. – М.Я.) [7, с. 79]. Уотсон говорит: “Мы могли бы рассмотреть... возврат к *нерефлексивному и наивному* использованию сознания” (курсив мой. – М.Я.) [там же, с. 95], – что явно сближается с гештальт-истским принципом соблюдения в исследовании позиции “наивного наблюдателя”. Отличие состоит в том, что Уотсону нужна “наивность” не в актах наблюдения, как у гештальт-психологов, а в интерпретации зафиксированных наблюдением фактов: он возражает против использования именно “терминов сознания” (курсив мой. – М.Я.) [с. 79]. “Термины сознания” заменяются терминами внешней реальности: “стимул”, “реакция”, “поведение”. Но смена терминологии здесь не при-

ближает к истине, а скорее вводит в заблуждение, запутывает дело.

Как заметил В.А. Лефевр, “для того, чтобы выяснить, что является стимулом, экспериментатор должен обратиться к своему внутреннему миру, т.е. совершить интроспективный акт” [4, с. 7], – ибо без такой ментальной процедуры стимул является не стимулом, а всего лишь не имеющим какого-либо психологического значения физическим феноменом. Последний становится в глазах исследователя стимулом при “вписывании” в него, проекции на него какого-либо субъективного состояния. В бихевиоризме субъективное неявно “встроено” в объективное (например, как переживание перспективы получения какого-либо подкрепления или вознаграждения за реагирование на данный стимул). Поэтому уотсоновский тезис об отказе от “терминов сознания” на деле приводит к неразличению субъективного и объективного языков описания человека, как и вообще – к превращению внутреннего мира в некий бесструктурный “комок” дискомфорта или комфортных чувствований, тревог, ожиданий и т.д. (в этом плане метафора “черного ящика”, предлагавшаяся для обозначения психики в позднем бихевиоризме, характерна именно своей аморфностью).

Отметим, что много общего с этими убеждениями имеется в идеях “предтечи” бихевиоризма И.М. Сеченова. Как материалист, он утверждает, что “первая причина всякого человеческого действия лежит вне его”, т.е. во внешней реальности [6, с. 209]. Однако он же говорит: “Любя женщину, человек любит в ней, собственно говоря, свое наслаждение” [там же, с. 204]. Таким образом, под внешней действительностью понимается спроецированное на эту действительность субъективное переживание. В целом, следовательно, бихевиоризм опирается на нерасчлененную опосредованную интроспекцию, реализуемую через объективацию, через проецирование субъективных состояний на внешнюю среду.

Итак, три исходные, “классические” теории психологии XX века реализуют три варианта интроспекции: гештальт-психология – прямую, непосредственную; фрейдизм – косвенную, со смещением от настоящего к прошлому (ретроспекция); бихевиоризм – косвенную, нерасчлененную, со смещением атрибуции (а точнее – проецированием) испытываемых состояний на компоненты внешней среды. (Это вполне согласуется с тем, что в поле зрения гештальт-психологов оказался феномен прояснения сознания – инсайт, в поле зрения Фрейда – феномен сновидческого состояния сознания, а у бихевиористов – поведение вообще осталось без сознания, осуществляемое на основе “слепых” проб и ошибок.) Другие теории, на наш взгляд, либо примыкают к одному из этих

трех вариантов, либо используют смешанные формы интроспекции. К примеру, гуманистическая психология использует в основном первый вариант интроспекции: так, роджерсовские “группы встреч” (как, впрочем, и левиновские Т-группы) представляют собой по своему психологическому механизму не что иное, как углубленную интроспекцию человека, погруженного в поле специально создаваемых квазиэкспериментальных межличностных отношений. Известный тренинговый принцип “здесь и сейчас” очень близок вундтовской установке на фиксацию и исследование именно “непосредственного опыта”. Данная классификация отражена в табл. 1.

Две другие возможные классификации психологических теорий мы лишь наметим, не прибегая к подробной аргументации.

Вторую классификацию можно построить на различении используемых в этих теориях принципов объяснения психических явлений. Для этой цели правомерно, на наш взгляд, воспользоваться тремя понятиями, предложенными в XIX веке авторами соответствующих программ развития психологии: В Вундтом, Ф. Brentano и И.М. Сеченовым [8]. В русле вундтовской “apperception” возникли такие понятия, как “гештальт” и “установка”. Brentановской “интенции” соответствуют понятия “влечение”, “либидо”. Сеченовскому “рефлексу” – “реакция”, “поведение”. Тем самым в гештальт-психологии и в теории установки детерминирующий фактор психики локализован в месте “стыковки” психики как целом в внешней средой, в бихевиоризме – во внешней среде, во фрейдизме – в глубинах психики. Гуманистическая психология в этом отношении сочетает первый и третий тип детерминации, а когнитивная психология – первый и второй. Эта классификация отражена в табл. 2.

Проведенный анализ дает определенные основания предположить, что три наиболее фундаментальные теории психологии XX века – гештальт-психология, фрейдизм и бихевиоризм – основываются не только на разном понимании природы психики, но и на существенно различных картинах мира (что является одной из косвенных причин трудности их совмещения). Различия в картинах мира – основание для еще одного варианта нашей классификации. В качестве гипотезы мы провели бы здесь следующие сопоставления: аристотелевской телеологической физике аналогичен фрейдовский психоанализ с его интенцией-влечением как объяснительным принципом любого феномена; ньютоновской механике – бихевиоризм с его принципом механического реагирования на внешние воздействия; эйнштейновской теории относительности аналогична гештальт-психология с ее принципом соотносительности наблюдаемых характеристик объектного

Таблица 1. Соответствие видов интроспекции теориям психологии

Вид интроспекции	Теория психологии
Наблюдение непосредственного опыта (собственно интроспекция)	Психология В. Вундта Гештальт-психология Гуманистическая психология
Ретроспекция	Фрейдизм
Наблюдение состояний, спроецированных на внешнюю среду	Бихевиоризм

Таблица 2. Соответствие локализации причин психических явлений теориям психологии

Локализация причин психических явлений (а также используемые объяснительные понятия)	Теория психологии
Узел “стыковки” внутреннего и внешнего мира (используются понятия: <i>apperception</i> , гештальт, установка)	Гештальт-психология Теория установки
Внутренний мир субъекта (используются понятия: <i>интенция</i> , влечение, инстинкт)	Фрейдизм
Внешняя среда (используются понятия: <i>рефлекс</i> , реакция)	Бихевиоризм

Таблица 3. Соответствие предполагаемых картин мира теориям психологии

Предполагаемая картина мира	Теория психологии
Эйнштейновская картина мира, где параметры объектов и процессов доопределяются в акте взаимодействия с наблюдателем	Гештальт-психология
Аристотелевская картина мира, где каждый объект стремится занять свое естественное (природное) место	Фрейдизм
Ньютоновская картина мира, где параметры объектов определяются их механическими взаимодействиями	Бихевиоризм

поля с сознанием наблюдателя. Данная классификация отражена в табл. 3.

Важнейшим выводом, который мы можем сделать из нашего сопоставительного анализа различных “классических” теорий психологии XX века, является мысль о том, что их возникновение имело свою логику: логику “исчерпывания” возможных типов получения психологических феноменов, способов их объяснения и тех имплицитных картин мира, на которые опираются эти объяснения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999.
2. Боринг Э.Г. История интроспекции // История психологии (10-е–30-е гг. Период открытого кри-

- зиса): Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. университета, 1992. С. 20–47.
3. Вундт В. Очерки психологии. М.: Московское книгоиздательство, 1912.
 4. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973.
 5. Психология и новые идеалы научности (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 3–42.
 6. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И.М., Павлов И.П., Введенский Н.Е. Физиология нервной системы. Избранные труды. М.: Гос. изд-во мед. литературы, 1952. Вып. I. С. 143–211.
 7. Уотсон Дж.Б. Психология с точки зрения бихевиориста // История психологии (10-е–30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. университета, 1992. С. 79–96.
 8. Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1985. С. 219–245.

CONCERNING THE PSYCHOLOGICAL THEORIES' CLASSIFICATION

M. I. Yanovsky

The senior tutor of the chair of pedagogy and psychology of National university, Donetsk, Ukraine

The article deals with the problem of XXth century psychological theories' classification. There alternatives are proposed. The first classification is based upon a correlation between theory and introspection. The second one – on particular explanation type of psychological phenomena. The third is based on the implicit “supportive” world pattern, which is characteristic to a theory.

Key words: psychological theories' classification, introspection, retrospection, geshtald-psychology, freudism, behaviorism, world pattern.